

Важно отметить, что большую склонность к заимствованию христианских элементов выказывают те новые движения, которые имеют в своей основе синтоистские корни такие, как Сэйтё-но Иэ, Сэкай Кю-сэйкё, Сукё Махикари, Тэнри-кё и т.д. Движения с буддийскими корнями менее расположены к подобному внедрению христианских положений в свои доктрины, хотя в последнее время большинство этих движений активно выступает за развитие диалога с христианством и участие в мировом экуменическом движении.

*Д.М.Столяров, магистр социологических наук, аспирант
Институт философии НАН Беларуси*

АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ КОНФЕССИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Более гибкие культуры и институты как правило более восприимчивы и как следствие изменяются быстрее. С другой стороны существует по сей день масса весьма закрытых консервативных обществ в странах Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании, ровно как и в классических западноевропейских обществах существуют определённые социальные институты, отличающиеся консерватизмом в отношении гендерной политики. Церковь — один из них.

Изменения и трансформации гендерных стереотипов в рамках церковной догматики происходили всегда очень медленно и болезненно. По сути, если рассматривать преимущественно христианскую и исламскую религии, их основы остались неизменны по сей день. В рамках христианской традиции, до определённого исторического этапа, наиболее активно распространились католическое и православное ответвления. Именно в этих течениях и проявилась гендерная стереотипизация наиболее полно. На протяжении длительного времени, вплоть до наших дней церковь являлась и является оплотом патриархальных идей, позиционирующих мужчину как оплот веры и нравственной чистоты. Следует заметить, что подобный тезис был свойственен мировым религиям и религиозным течениям. Определённым исключением в христианской культуре был разве что протестантизм, миссия которого изначально заключалась в либерализации церковных догм и адаптации их к современным условиям жизни.

Так, можно привести пример, когда в романских странах, как и в странах Востока, строгость нравов сильнее подавляла женщину, чем строгость законов. В Италии фашизм неуклонно тормозил развитие феминизма. Итальянский фашизм искал союза с церковью, почитал семью и продолжал традицию женского рабства, так что женщина оказалась под двойным гнетом: над ней стояли общественные власти и муж³⁴³.

Подобный дискурс исторически начал формироваться в глубокой древности, когда женское, материнское начало, связанное с функцией деторождения, приобрело предикат табуации, отвращения, позора, мистического ужаса. В авторитарных обществах «попытке установить мужскую фаллическую власть сильно угрожает не менее решительная власть другого, угнетенного... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла». Возникает репрессивный тип мировосприятия, связанный с фрейдовскими структурами «Я» (сознание, рационально-логическое мышление) и «Сверх-Я» (моральные и религиозные запреты, препятствующие свободному выражению бессознательных инцестуальных желаний —

³⁴³ Бовуар С. де. Второй пол / Симона де Бовуар. — М. — СПб: АО Издательская группа «Прогресс», 1997 — С.103.

«Оно»). В частности, уже в ветхозаветных библейских текстах божество принимает соответствующее наименование, обращаясь через Моисея к народу, неоднократно повторяет: «Я — Яхве, Бог ваш». Именно «от имени «Я» ... далее следуют ... моральные запреты». Эта тенденция продолжается и в христианстве, где в духе радикального патернализма конституируется «понятие греха, основанное на идее воздаяния»³⁴⁴.

Наиболее яркая и интересная ситуация в плане реализации гендерных стереотипов сложилась в католицизме, пик которой пришёлся на средневековый период. Если для мужчины в общем случае допускался лишь один положительный образ борца за веру, то для женщины всегда допускались две роли: положительная и отрицательная. С одной стороны, выработанными стереотипами женщина позиционировалась как примерная мать, добрая хозяйка покорная мужу, интересы которой сосредотачивались исключительно на том, чтобы служить и угождать мужчине. Также, подобному женскому образу, отводились ещё и небольшие второстепенные роли в рамках воспитательной и церковной сфер, ибо именно на женские плечи ложились задачи по воспитанию детей, кроме того всякая порядочная женщина того времени обязана была ходить в церковь. Здесь, однако, следует сказать о том, что, несмотря на участие женщин в этих сферах, курировались они мужчинами, посему даже здесь за женщиной была закреплена скорее роль покорной послушницы, нежели самодостаточного действующего субъекта. С другой стороны средневековой католической доктриной за женщиной была закреплена ещё и другая, отрицательная роль, которая транслировалась ярко и активно — женщина-ведьма, женщина, как хитрое и самовлюблённое существо, падкое на мирские блага и наслаждения.

В данный исторический период для западноевропейской культуры был характерен существенный перекоп в плане оценки мужских и женских качеств, что выражалось в том, что официальная церковь продвигала понятие о женщине как изначально порочном существе. Мужской же образ напротив, активно позиционировался как сугубо положительный, а какие либо отрицательные проявления мужской натуры либо замалчивались, либо объяснялись опять же дурным влиянием женщин-ведьм. В известном произведении Генриха Инститориса и Якова Шпренгера «Молот ведьм» есть особый раздел, касающийся данного вопроса с красноречивым названием «Почему женщины более склонны к колдовству», в котором говорится: «Относительно первого пункта, а именно, почему среди немощного пола так много ведьм, у нас есть, кроме свидетельств Священного Писания и людей, заслуживающих доверия, ещё житейский опыт. Мы хотим сказать, не подвергая презрению всего немощного пола (через который бог всегда творил великое, чтобы привести в смятение сильный пол), что в суждении о женщинах мнения в сущности не расходятся. Из-за скверны колдовства, распространяющейся в последнее время более среди женщин, нежели среди мужчин, мы должны сказать, после точной проверки материала, что женщины имеют недостатки как в душе, так и в теле, и что нет ничего удивительного в том, что они совершают больше позорных деяний»³⁴⁵. И далее: «Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступают от веры, так и из своих необычайных аффектов и страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм»³⁴⁶.

³⁴⁴ Мушинский Н.И. Гендерная проблематика в контексте постмодерна: история и современность / Н.И. Мушинский // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15—16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. — Мн: БГУ, 2004. — С. 165.

³⁴⁵ Инститорис Г., Шпренгер Я. Молот ведьм / Г. Инститорис, Я. Шпренгер — СПб.: Амфора, 2005. — С. 36.

³⁴⁶ Инститорис Г., Шпренгер Я. Молот ведьм / Г. Инститорис, Я. Шпренгер — СПб.: Амфора, 2005. — С. 38.

Согласно «Молоту ведьм», из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду. Поэтому мы можем с полным правом утверждать вместе с Катонем: «Если бы мир мог существовать без женщин, мы общались бы с богами». И действительно, мир был бы освобождён от различнейших опасностей, если бы не было женской злобы, не говоря уже о ведьмах. Валерий писал Руфину: «Ты не знаешь, что женщина — это химера, но ты должен знать, что это чудовище украшено превосходным ликом льва, обезображено телом вонючей козы и вооружено ядовитым хвостом гадюки. Это значит: её вид красив, прикосновение противно, сношение с ней приносит смерть». Её другое свойство — это голос. По природе женщина лжива. Она лжива и в разговоре. Она жалит и ласкает в одно и то же время. Поэтому её голос сравнивается с голосом сирен, привлекающих путников своими сладкими мелодиями и затем убивающих их. Они убивают, т. к. опустошают денежные мешки, крадут силу и заставляют презирать Всевышнего. Женщина более алчет плотских наслаждений, чем мужчина, что видно из всей той плотской скверны, которой женщины предаются. Уже при сотворении первой женщины эти её недостатки были указаны тем, что она была взята из кривого ребра, а именно — из грудного ребра, которое как бы отклоняется от мужчины. Из этого недостатка вытекает и то, что женщина всегда обманывает, так как она лишь несовершенное животное»³⁴⁷.

Анализируя приведённый выше источник, можно понять, каких масштабов достигло несоответствие в правах мужского и женского населения средневековой Западной Европы. Позиция, оглашаемая официальной католической церковью, поражает своей крайностью и бескомпромиссностью. В устах определённых деятелей церкви женщина иначе как «изъян природы, подмалёванный красивой краской» и не именовалась. Именно такая позиция, такие гендерные стереотипы, активно позиционировались в тот период. Ещё более удивляют те меры и аргументы, к которым прибегало тогдашнее духовенство для подтверждения своих взглядов. Мало того что в повествовании приводятся отрывки, грубо вырванные из контекста и свидетельства каких-то мифических «лиц, заслуживающих доверия», так служители инквизиции пошли ещё дальше — «доблестные защитники веры Христовой» не «побрезговали» даже вставить в свой труд цитаты откровенно языческого характера.

Статистические данные подтверждают, что объектом обвинений в ведовстве, предполагаемом или реальном, оказывались в большинстве своем женщины. Посмотрим на результаты региональных исследований. В Англии в графстве Эссекс, расположенном к северо-востоку от Лондона, между 1560 и 1680 гг. суды рассмотрели дела двухсот семидесяти человек, подозреваемых в колдовстве, и 91% среди них были женщины. Во Франции в современном департаменте Но в судебных архивах сохранились дела двухсот восьмидесяти восьми человек, обвиненных в колдовстве в период от середины 14 в. и до конца 17 в.: доля женщин там составляла 82%. Похожие показатели встречаются на юге Германии и в департаменте Юра, являвшихся колыбелью репрессий. В Баден-Вюртемберге были зарегистрированы восемнадцать эпидемий ведовства, в результате которых между 1562 и 1684 гг. были казнены 1054 осужденных, из которых 82% составляли женщины. В обширном районе, включающем епископство Базель, княжество Монбельяр, Франш-Конте, швейцарские кантоны Фрибург, Невшатель, и Женева, между 1537 и 1683 гг. на 1365 обвинений в колдовстве 1060, то есть приблизительно 78%, приходилось на женщин. Относительно поздняя кампания по искоренению ведовства имела место в Новой Англии, представлявшей в 17 в. европейский форпост в Северной Америке. Но там тоже из 355 осужденных между 1647 и 1725 гг. 79% составляли женщины. Ситуация очевидна: в 16 и 17 вв. у

---

³⁴⁷ Инститориус Г., Шпренгер Я. Молот ведьм / Г. Инститориус, Я. Шпренгер — СПб.: Амфора, 2005. — С. 39.

женщины было в четыре раза больше шансов, чем у мужчины, быть обвиненной в ведовстве и в этом качестве осужденной на смертную казнь³⁴⁸.

Ни в одной культуре массовое внедрение гендерных стереотипов не привело к таким последствиям, как в западноевропейской в средневековый период. По сути, происходило истребление людей по гендерному признаку. Конечно, и мужчин обвиняли в ереси, колдовстве, но с ними все было гораздо проще: большинство описанных случаев обвинений мужчин были связаны с их политической или экономической деятельностью. Поэтому в связях с колдовством обвиняли либо богатых, либо социально и политически активных мужчин. Первых устраняли, т. к. инквизиторам полагалась значительная часть их имущества, вторых — в случае, если их убеждения несли угрозу правящей системе, во главе которой стояла церковь. Таким образом, в отношении мужчин налицо экономический и политический факторы — всё рационально. С женщинами сложнее. В жернова тогдашнего церковного террора попадали женщины абсолютно разного достатка и сословной принадлежности. Остаётся открытым вопрос о том, в силу каких факторов тогдашней системе была выгодна такая жесткая дискриминация женского населения? Ведь подчинить женщин — это одно, а вот просто убивать на основании совершенно абсурдных обвинений и доказательств — совсем другое.

Историки часто задавались вопросом о причинах репрессий против ведовства и неожиданного всплеска насилия антиженской направленности. Выдвигались различные объяснения. Обычно считается, что такое отношение к ведовству являлось следствием трудностей того времени: интенсивность гонений соизмерима с масштабом естественных катастроф, обрушивавшихся на население. Человек, еще неспособный управлять природой, мог найти объяснение этим явлениям, недоступным его пониманию, только в области сверхъестественного. Эпидемия, неурожай, неожиданная смерть и другие несчастья трактовались как дьявольские происки. Так что историки лишь возродили старую теорию козла отпущения, придуманную антропологами конца 19 в. Общество хотело найти виновных. Они были найдены среди несогласных, маргинальных элементов, которые заплатили большую цену за свои взгляды во время репрессий. В первом ряду жертв оказались женщины — самые старые, самые некрасивые, самые бедные, самые агрессивные — те, которые вызывали страх. Деревенские коммуны тем самым перенаправили напряжение, которое давило на них и угрожало их существованию, на самое слабое звено сельского общества. В 1595 г. указ Филиппа II для Испанских Нидерландов установил, что старые женщины должны считаться первыми подозреваемыми в делах о ведовстве³⁴⁹.

Но, как уже говорилось, репрессии в последующем затрагивали женщин самых разных сословий. И здесь, по версии ряда исследователей, всплывает экономический фактор. К великому страху, объявшему европейские народы в конце Средних веков, в начале Нового времени добавились отягчающие обстоятельства социально-экономического порядка. Изменения, которые претерпела семейная мораль, по-видимому, также сыграли здесь важную роль. Повышение брачного возраста, явно обозначившееся уже в 16 в., вкпе со все более и более суровой сексуальной моралью порождали чувство неудовлетворенности у молодых мужчин, исключенных одновременно и от матримониального, и от земельного рынка. На другом конце возрастной пирамиды стояли вдовы, иногда обремененные детьми, часто испытывающие экономические трудности, всегда эмоционально уязвимые — ведь

³⁴⁸ Дюбии Ж., Перро, М. История женщин на Западе. — В 5-и т-х. — Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Ж.Дюбии, М.Перро. Пер. с англ.; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. — СПб.: Алетей, 2008. — С. 461.

³⁴⁹ Дюбии Ж., Перро М. История женщин на Западе. В 5-и т-х. — Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Ж.Дюбии, М.Перро. Пер. с англ.; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. — СПб.: Алетей, 2008. — С. 465.

второй брак был для них практически немислим. Исследования показывают, что в Новой Англии, например, если 80% осужденных за ведовство между 1647 и 1725 гг. составляют женщины, то две трети обвинителей — мужчины. Более того, значительное число этих мнимых ведьм — одинокие женщины, не имеющие родственников, чье состояние, при отсутствии наследников, оказывается вне сферы действия принятых правил наследования³⁵⁰.

Таким образом, Средние века, казалось бы, характеризуются антифеминизмом. К примеру, девочки от рождения считались более греховными существами, чем мальчики, в силу чего их позволяли крестить, т. е. приносить в церковь, не на 40-й день, а лишь на 46-й или даже 80-й. Но именно в Средние века женщинам было позволено овладевать некоторыми профессиями, традиционно считавшимися мужскими, но от которых мужчины в силу ряда причин отказались³⁵¹.

В последующую эпоху Возрождения на смену женщине-монахине, Христовой невесте, пришла женщина-муза, а на смену мужчине-аскету, борцу за веру, пришёл мужчина-художник. Конечно, в данном случае можно провести определённую параллель со средневековой традицией рыцарства, подразумевавшей избрание дамы сердца, однако, по тогдашним канонам, дама принципиально должна была оставаться некоей недостижимой путеводной звездой своего почитателя. Неприступность её была принципиально оговорена в рамках тогдашних культурно-эстетических норм, в то время как муза художника Возрождения, равно как и он сам, предавались свободному творческому полёту... Могли творить плечом к плечу, а могли быть и бесконечно недостижимы друг для друга...

Именно изменения в восприятии мужского и женского влияли на развитие тех или иных обществ. Можно сказать о том, что изменения в отношении к женщине и мужчине, к мужскому и женскому, происходившие под воздействием внедряемых стереотипов, существенно влияли на культуру целых исторических эпох.

П.В.Рахманько, магистр культурологии, аспирант

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

СОВРЕМЕННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Интернет предоставляет широчайшие возможности свободного получения и распространения научной, деловой, познавательной и развлекательной информации³⁵².

Глобальная сеть стала неотделимой частью современной цивилизации. Стремительно врываясь в сферу образования, торговли, связи, услуг, она порождает новые формы общения и обучения и развлечений. «Сетевое поколение» — это настоящий социокультурный феномен наших дней. Для его представителей Интернет давно стал привычным и удобным спутником жизни. Человечество вступает в новый — информационный — этап своего развития, и сетевые технологии играют в нем значительную роль³⁵³.

³⁵⁰ Дюбии Ж., Перро М. История женщин на Западе. В 5-и т-х. — Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Посвящения / Ж.Дюбии, М.Перро. Пер. с англ.; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. — СПб.: Алетейя, 2008. — С. 465.

³⁵¹ Бендас Т.В. Гендерная психология / Т.В.Бендас. — СПб: Питер, 2006. — С. 12.

³⁵² Яндекс-Словари. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/3/3c/1011520.htm — Дата доступа: 07.10.2015.

³⁵³ Филатова О.Г. Интернет как масс-медиа / О.Г. Филатова. — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 23.